

Дама с жвачкой

Автор:

Наталья Александрова

Дама с жвачкой

Наталья Николаевна Александрова

Детектив-любитель Надежда Лебедева Смешные детективы

Детектив-любитель Надежда Лебедева, несмотря на явное неодобрение мужа, ввязалась в очередное расследование. На этот раз все очень серьезно – одна за другой погибают две ее старые знакомые, на третью и на саму Надежду совершаются покушения. Женщин объединяет то, что двадцать шесть лет назад все они лежали в одном роддоме. Дело усложняется тем, что сыщицу среди бела дня похищают представители спецслужб, и только чудом ей удается уйти невредимой. Теперь Надежда обязательно должна выяснить, что же за тайна государственной важности осталась в палате старого роддома...

Наталья Николаевна Александрова

Дама с жвачкой

© Александрова Н.Н., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Этот дом не бросался в глаза показным богатством. С виду – обычный дом на Таврической, только очень хорошо сохранившийся. Но при ближайшем рассмотрении можно было заметить фигурную плитку перед входом, явно бронированную дверь подъезда, плавно поворачивающуюся телекамеру над крыльцом. А входящих внутрь встречали охранник в пятнистой униформе, глядящий в экраны мониторов перед ним, и малиновый ковер на лестнице. Всякому человеку становилось ясно, что в этом доме живут не просто богатые люди, а умные богатые люди, которые не стремятся поразить других своим богатством.

Но всяких в этот дом не пускали.

Ранним июньским утром перед подъездом остановился красный фордовский микроавтобус с надписью «Цветы». Из него вышли высокая плечистая блондинка с блокнотом и худощавый молодой человек с огромным, тщательно упакованным букетом. Девушка остановилась на крыльце и, подняв глаза к телекамере, громко произнесла:

– «Цветы Голландии», заказ в четвертую квартиру, Софронову.

Охранник всмотрелся в экран монитора и нажал кнопку управления замком. Блондинка и ее спутник вошли в подъезд и приблизились к посту охранника.

– Цветы оставьте здесь. Софронов уже уехал.

– А как же с оплатой? – растерялась блондинка.

– Не бойсь, пупсик, здесь такие люди живут, что с оплатой проблем не бывает.

– Ну хорошо, – девушка задумалась, как бы выбирая правильное решение, – тогда хоть вы у меня в накладной распишитесь, что доставлены цветы, дата и подпись.

– Ну, давай, – охранник приоткрыл окошечко в своей прозрачной будке, – где тут роспись поставить?

Блондинка положила перед ним листок бумаги, достала из одного кармана кружевной платочек, а из другого – авторучку. Прикрыв платочком лицо, как будто собравшись чихнуть, она протянула охраннику ручку и нажала поршеньек. Ручка с легким шипением выпустила чуть заметное серебристое облачко, охранник удивленно ахнул и упал лицом на стол с мониторами.

Блондинка осторожно вытащила свою накладную, ее спутник в два прыжка пересек холл, вернулся к микроавтобусу, забросил туда букет. Из автобуса выскочил еще один человек – рослый, плечистый, в спортивной шапочке, натянутой до самых глаз. Худощавый цветочник остался дежурить в холле, а блондинка и спортсмен быстро и бесшумно поднялись на четвертый этаж. Блондинка достала из кармана маленькую универсальную отмычку и занялась замками. Замок был достаточно сложный. Девушка нетерпеливым движением сняла мешавший ей светлый парик и убрала его в заплечный мешок. Под париком волосы у нее были темные, коротко подстриженные. Она действовала быстро, точно и бесшумно. Напарник зачарованно следил за ее руками. Замок едва слышно щелкнул, дверь плавно отворилась.

Мужчина первым шагнул в квартиру. Держа перед собой пистолет с глушителем, он осмотрел просторный полупустой холл. Убедившись, что в холле никого нет, он махнул рукой напарнице. Та проскользнула следом за ним в квартиру и закрыла за собой дверь.

Все дальнейшее было молниеносно и страшно. Где-то под потолком раздался едва слышный шорох. Мужчина задрал голову и начал поднимать ствол, но не успел: на него тяжело, утробно крикнув, обрушилось что-то темное, бесформенное и тяжелое. Он успел ощутить отвратительный запах лука и перегара. Это было последнее в его жизни ощущение, потому что секунду спустя он уже лежал на полу с горлом, перерезанным от уха до уха отточенной, как бритва, финкой.

Его напарница развернулась на звук и вскинула пистолет, но она сделала это непростительно, смертельно медленно, всего лишь со скоростью атакующей кобры. Куда кобре до молнии! Когда она увидела свою цель, окровавленная финка уже летела через холл. Нажать на спуск она не успела – лезвие вонзилось чуть ниже левого уха, и свет в ее глазах померк.

– Ну что там, Мокушка? – послышался старческий голос из глубины квартиры.

– Да гости были, Корнеич, – ответил коренастый, сутулый, кривоногий мужик с широким рябым лицом, вытаскивая финку из раны и тщательно обтирая ее обрывками ветоши.

– Ну и как гости, Мокушка? Напоил ты их?

– Напоил, Корнеич, допьяна.

Мокушка неторопливо, чуть прихрамывая, пересек холл и вошел в большую, заставленную дорогой и безвкусной мебелью, комнату. Напротив двери сидел в инвалидном кресле огромный старик, похожий одновременно на иссеченный бурями утес и грозовую тучу. На коленях у него лежал американский короткоствольный карабин.

– Только на тебя, Мокушка, и могу положиться... На тебя, да на себя самого.

– Да, Корнеич, молодые-то, что они могут... Ты мальчикам скажи, чтоб в передней-то прибрали, грязно там, гости наследили. И на лестнице, поди, еще гость торчит, своих дожидается, так и с ним покумекать надо...

– Скажу, Мокушка, скажу, на это и молодые годятся. А ты пойдди, поспи – не спал небось...

– Да нет, спал я, а как гостей загодя учуял – тут уж подхватился.

– Хорошо тебе, Мокушка, спать можешь, а я вот все не сплю. Охотятся за мной шакалы эти поганые, хотят у старика последний кусок отобрать. Обложили как волка – ни вздохнуть, ни шевельнуться. Из дому давно не выхожу, теперь уж и к окну подойти нельзя, занавески и то не раздвинуть – враз через окно подстрелят. Нет старику покоя! Ну да ладно, и у меня пока зубы не обломаны, еще посмотрим, кто кого одолеет.

На двухэтажном типовом здании бывшего детского садика висела скромная медная табличка: «Спортивно-оздоровительный центр Аякс». Правда, мало кто мог прочесть это название – подойти к зданию мог далеко не каждый, а только тот, кого пропускали на территорию, прилегающую к «Аяксу», крепкие

подтянутые ребята с традиционно бритыми затылками и столь же традиционно пустыми глазами. А пропускали они только тех, кого знали в лицо. На втором этаже «детского садика» в огромном, со вкусом обставленном антикварной мебелью кабинете, за длинным столом красного дерева шло совещание. Во главе стола сидел невзрачный худощавый человек в очках с тонкой золотой оправой, по виду финансист или экономист, и само совещание напоминало бы совет директоров банка, если бы не повестка дня. В повестке дня было столько крови, что выжми ее – и огромный кабинет затопило бы.

Посреди совещания его участников побеспокоил посторонний звук: на автостоянке рядом с садиком заработала автомобильная сигнализация. «Финансист», возглавляющий совещание, слегка поморщился и сделал едва заметный знак бровью тихому молодому человеку, почтительно застывшему у стены. Тот исчез на минуту, а вернувшись, что-то прошептал на ухо шефу. Шеф побагровел, что очень плохо сочеталось с его холеным лицом, и заорал на одного из участников:

– Ты, козел, мне клялся, что нанял профессионалов, что у нас проблем не будет и мы этого старого хрыча забудем, как звали! Так вот иди, забери своих трепаных профессионалов! Они на стоянке в своем автобусе лежат, в мешки зашитые, а хрен старый сидит себе в своей каталке, посмеивается! Завтра об этом весь город будет знать, и мы не то что его территорию прибрать – свою потеряем! Ты, грязь болотная, дожدهшься, что я тебя самого старику в мешке пошлю на именины в подарок!

Человек, которому предназначались все эти громы и молнии, побледнел до зеленовато-мертвенного оттенка, но ответил достаточно твердо:

– Шеф, бригада была залетная, сами понимаете, местных на такое дело не пошлешь, но рекомендации у них были самые лучшие. Старик – твердый орешек, но у меня есть свой человек. Нигде не засвечен, действует очень нетрадиционно. Правда, нужна основательная подготовка.

– Время или деньги?

– Время.

– Время работает против нас. Ладно, даю тебе последний шанс реабилитироваться в моих глазах. Профессионалов своих залетных на стройку в бетон залей. Проколешься еще раз – там же будешь.

Женщина средних лет вошла в свой подъезд, вызвала лифт. Тяжелые сумки оттягивали руки, но ставить их на грязный пол лестничной площадки... нет, уж лучше потерпеть еще пару минут. Возле почтовых ящиков возился незнакомый худенький подросток в темной куртке с капюшоном. Лифт подъехал на удивление быстро, женщина вошла в него, хотела уже нажать кнопку своего третьего этажа, как вдруг подросток шмыгнул за ней в кабину. Женщина спросила, на какой ему этаж, он в ответ буркнул что-то неразборчивое. Она пожала плечами и нажала свою кнопку – вряд ли ему ниже, и тут же забыла о нем, перебирая в уме необходимые покупки и платежи, прикидывая, как уложиться в зарплату. Вдруг резкая боль пронзила ее затылок, свет перед глазами померк и вовсе угас. Последняя мысль, промелькнувшая в ее мозгу, была – нет, с такими расходами в зарплату все равно не уложиться. На смену этой мысли пришла тяжелая, пульсирующая боль, но скоро и она кончилась.

Пенсионер с шестого этажа безуспешно пытался вызвать лифт. Он прождал его минут двадцать, обругал хулиганов, которые опять нарочно не закрыли двери лифта, и потащился наверх пешком. По дороге ему трижды пришлось останавливаться и отдыхать, на четвертом этаже он положил под язык таблетку валидола и помянул недобрым словом очень длинный список людей, начиная с соседей и работников коммунального хозяйства и заканчивая президентом. На своем шестом этаже он свернул к лифту, чтобы посмотреть, что случилось с дверью, – и в глазах его потемнело: в дверях лифта лежала ничком женщина, не подававшая никаких признаков жизни, а пол вокруг ее головы был залит темной, начинавшей сворачиваться кровью.

Вера лежала, уткнувшись лицом в подушку. Слез уже не было, да ведь никакие слезы тут не помогут. Все было кончено. Ее жизнь, любовь, счастье, все, что она создала за эти годы, выброшено в помойку.

«Наверное, именно в этот момент люди кончают жизнь самоубийством, – подумала она. – Всем было бы лучше, если бы я умерла, и мне самой в первую очередь».

Но как это сделать? Повеситься? Где-то она читала, что повешенные представляют собой ужасное зрелище. Ах да, Леонид Андреев, «Рассказ о семи повешенных». Она никогда не любила этого писателя, но, надо думать, он все правильно описал. Броситься в воду с моста? Она представила, как сейчас оденется, выйдет из дома, дойдет до Невы, будет долго стоять на мосту и смотреть на черную воду. Хватит ли у нее решимости? Вряд ли. Начало октября, вода ледяная. А вдруг ее вытащат?

Нет, лучше всего отравиться, но чем? И она сама, и муж, и дети – все абсолютно здоровы, в доме нет никаких сильнодействующих лекарств. И снотворного нет. А если выпить упаковку димедрола, то сначала заболит живот, потом увидишь зеленого кота на оранжевом дереве, а потом в больнице промоют желудок и отпустят, обругают еще.

– Господи, какая чушь лезет в голову!

Вера села на кровати и включила бра. Второй час ночи. Мужа нет, и он не придет. Вот так расправилась с ней жизнь, одним ловким ударом. За что? Хороший вопрос.

Она всегда любила семью. Не кого-то отдельно, а в целом дом, Дом с большой буквы. И в это понятие она включала все – и воскресные завтраки всей семьей не спеша за большим кухонным столом, и тихие вечера перед телевизором, когда интересный фильм, а всем хочется чаю и лень вставать. Так она, Вера, принесет чай сюда, а фильм посмотрит завтра утром, его ведь повторяют. Любила она и свою квартиру, большую, удобную, которую отделявала и собирала любовно, по крошечке – и мебель, и занавески, ковер на пол, сервиз, салфетки. Все не спеша, спокойно прохаживаясь по магазинам, время у нее было, ведь на работу она никогда не ходила. Любила заниматься детьми, водить их в школу и в кружки. Воспитание детей всегда было на ней, ведь муж много работал.

Вера росла с бабушкой, потому что родители развелись, когда она была совсем маленькой, а потом каждый старательно устраивал свою жизнь, и ребенок им только мешал бы. Еще в детстве она решила, что у нее будет настоящая семья, и так оно и вышло. И когда родился первый ребенок, дочка, Вера твердо поняла – или семья, или работа. Она выбрала семью и никогда об этом не жалела. У них не было бабушек, и поэтому муж не возражал, когда Вера сказала, что не станет отдавать дочку в ясли, а будет сидеть с ней дома. Через три года родился сын, потом дочке подошло время идти в школу, потом – сын-первоклассник, а потом

все уже так привыкли, что мама дома.

Летели годы, муж делал карьеру, Вера создавала ему крепкий тыл. Они никогда не ссорились, ведь дома его всегда ждал вкусный обед и ласковая жена. Кто же от такого счастья будет устраивать скандалы?

Во время перестройки муж очень удачно вписался в ситуацию, он вообще был человек деловой и неглупый. И теперь у него своя, довольно крупная фирма, крепкое предприятие. За это время они поменяли квартиру и дачу построили – большой каменный дом, можно зимой жить. Дочка окончила институт, нашла хорошую работу, сын учится в Англии. Еще бы, Вера всегда приучала их к труду, а не к тому, чтобы до седых волос сидели у отца на шее.

«О чем я? – сама себя перебила Вера. – Это все в прошлом, ведь все кончилось в один день».

Какая банальная произошла с ней история. «Не ты первая, не ты последняя», – сказали бы житейски опытные соседки и привели бы штук десять подобных примеров.

Нельзя сказать, чтобы муж ее не любил. Наоборот, он всегда очень хорошо к ней относился. Но бывали у него в жизни другие женщины. Ненадолго, мимолетно – но бывали. Разумеется, Вера догадывалась, но старалась об этом не думать, тем более он всегда вел себя достойно. Но он был интересный мужчина, всегда одет с иголочки, его окружали молодые женщины – сотрудницы, секретарши, – и Вера смирилась. В конце концов, ну что такого ужасного? Ну, задержится он пару раз на неделе, иногда выдумает, что в субботу надо что-то срочно сделать, – разве это стоит того, чтобы все разрушить – дом, семью?

Нет, Вера смирилась, просто отгоняла от себя эти мысли. В последнее время муж ездил в отпуск на Канары, на Кипр, в Хургаду. Вера подозревала, что ездит он не один, но ничего не могла поделать – ей после сорока врачи не рекомендовали солнце.

– Ничего страшного, – говорили врачи, – вы здоровы, но на юг лучше не надо.

Весной мужу исполнилось пятьдесят, и Вера успокоилась, но, как оказалось, зря. Летом она жила на даче – там цветы, ягоды и собаке на даче лучше. Тогда-то все

и случилось. Теперь Вера ругает себя, что уехала на дачу, но что бы изменилось, если бы она сидела в городе и караулила мужа? Дело же не в этом.

На этот раз была не девчонка-секретарша, а женщина в районе тридцати. Где уж они познакомились, Вера не интересовалась, но дама круто взялась за дело и за лето сумела внушить ее мужу, что не только она не может жить без него, но и он без нее тоже. С ней-то все было ясно – тридцать лет, последний шанс подцепить обеспеченного человека, но муж...

Он потерял голову окончательно. Это тоже можно объяснить – обычный комплекс пятидесятилетнего мужчины, но неужели он так мало ценил ее, Веру? И дети...

– Боже! – Вера застонала.

На тридцатое сентября, ее именины, муж преподнес Вере подарочек. Сказал, что встретил другую женщину и хочет быть с ней. Он, конечно, был весьма благороден, собирался уйти к той, другой, и оставить все Вере и детям. Вначале Вера была в шоке. Потом ей показалось, что если сделать вид, что ничего не случилось, то все как-то образуется само собой, у мужа пройдет эта блажь.

Но вот вчера они явились оба. Его девке не понравилось, что он все собирается оставить жене и детям, она решила действовать. Она пришла познакомиться и поговорить по-хорошему. Действовала она наверняка: если она добьется успеха, то все достанется ей, а если Вера сорвется и выгонит ее вон, то она будет страдающей стороной, и Верин муж поймет, с кем он жил все эти годы, и окончательно Веру бросит. Вера выдержала, не сорвалась, хотя та говорила ужасные вещи. Она представилась, мило улыбаясь, сказала, что очень сожалеет, но чувства сильнее ее.

Раз уж так случилось, сказала она, то давайте разберемся, как разумные люди. Виктор хочет уйти отсюда ко мне и начать новую жизнь. Я не против, но сами посудите, будет ли это справедливо – лишать его всего, к чему он привык за долгие годы. Она напрашивалась на скандал, но Вера не поддавалась на провокацию. Есть очень удобный выход, продолжала девица. Вы переезжаете в мою однокомнатную, а деньги на жизнь мы вам будем выплачивать ежемесячно. Она так и сказала – «мы». Вера, не поверив своим ушам, оглянулась на мужа, он отводил глаза и угрюмо молчал. Хуже всего было то, что дочь, Ирина, встретила

эту девку довольно приветливо. А потом, когда Вера в растерянности пробормотала, что надо спросить детей, согласятся ли они на такую замену, Ирка спокойно сказала:

– Я не против! – и все, больше у нее не было слов для матери.

Это добило Веру окончательно. Она сказала, что свяжется с сыном в Англии, и она была бы очень благодарна, если бы гостя покинула ее дом, ведь пока еще она, Вера, здесь хозяйка. Они ушли вместе с мужем, дочка тоже вышла погулять с собакой, а Вера закрылась в спальне.

Вот такие события с ней произошли. Оставалась надежда, что сын приедет и вправит всем мозги. У них всегда были хорошие отношения, сын ее очень любил. Он не допустит, чтобы мать выгнали из дому.

Вера босиком прокралась в мужнин кабинет, открыла небольшой бар, нашла там на ощупь бутылку и глотнула прямо из горлышка. Это оказалось виски. Сначала было противно, но потом полегчало. Иначе ей не заснуть.

Вера проснулась от сигнала компьютера. Она вскочила, ведь это пришло письмо от сына электронной почтой. Когда Вера вышла из ванной, дочь сидела перед монитором.

– Что это? От Андрюши? – Она вглядывалась в английские буквы. – Ира, переведи мне.

– Тут все коротко. Ты написала, чтобы он прилетал, но что мы все здоровы.

– Да, чтобы он не волновался.

– Вот он и отвечает, что раз мы все живы- здоровы, то он приехать никак не может, чтобы мы уж как-нибудь сами разобрались со своими проблемами.

– Не может быть! – Вера увидела в конце подпись «Эндрю». Не «Андрей», а чужое «Эндрю».

«Если бы я умерла, он бы приехал!» – пронеслась мысль.

– Послушай, ты и правда считаешь, что будет наилучшим выходом, если я перееду в квартиру этой девицы?

– Ну конечно, мама, – усмехнулась дочь. – Ведь и правда несправедливо лишать папу всего, что он заработал.

– Это я создала этот дом! – не владея собой, закричала Вера. – Он вложил только деньги, а я – душу. А справедливо лишать всего меня?

– Так я и знала, что ты будешь цепляться за вещи, – пренебрежительно заметила Ирина.

«Она права, – подумала Вера, – к чему цепляться за вещи, когда все пошло прахом?»

– Но послушай, Ира, неужели я тебе совсем не нужна?

– При чем тут это? Решайте ваши проблемы с отцом, я не хочу вмешиваться.

«Я им не нужна, – поняла Вера, – вместо меня есть стиральная машина, микроволновка и пылесос».

Она опять ушла в спальню, но не легла, лежать она не привыкла. Надо что-то решать. Покончить жизнь самоубийством она всегда успеет. Надо уходить, но куда? Ни в какую квартиру этой девицы она не поедет, лучше действительно утопиться. У нее нет подруг, как-то в последнее время все разошлись, а из родственников есть в Луге старая тетка, да и то не родная, а двоюродная. Тетя Варя все время зовет в гости, у нее в Луге свой домик и живет она совсем одна. Вот и в последней открытке, которую она прислала к именинам, опять приглашает.

Вера порылась в ящике туалетного столика и нашла открытку. Можно поехать к тете Варе недельки на две, подумать там на досуге, посоветоваться с ней. Потом вернуться и решить все окончательно. Сейчас взять только небольшой чемодан с самым необходимым.

И последний вопрос: на что она будет жить? Вера достала из дальнего ящика коробочку из-под французских духов, в ней лежало две тысячи долларов. Это ей удалось отложить за последние месяцы. Конечно, у мужа были деньги в банке, и в фирму было вложено немало, но про эти доллары никто не знал. Вера и сама не знала, зачем она стала откладывать деньги тайком, а вот теперь пригодились. Никакой ежемесячной помощи она от мужа не примет. Конечно, эти деньги тоже заработаны мужем, ведь она, Вера, не работала, но какого черта!

– Все эти годы я работала поваром, уборщицей, детским воспитателем, медсестрой, когда они болели, неужели за все это время я не заработала двух тысяч?

Вера быстро оделась, в коридоре ее уже ожидал боксер Мак, с ним никто не удосужился погулять. Вот, тоже еще тип, она, Вера, вырастила щенка, гуляла, кормила, даже делала уколы, когда он болел, а он выбрал хозяином мужа и никого кроме него не признает. Правда, милостиво разрешает с собой погулять.

– Пойдем, Маклай, сейчас пойдем.

На воздухе Вере стало лучше, они долго гуляли с Максом, потом быстренько пробежалась по магазинам – в Луге, конечно, есть все продукты, все-таки город, но с пустыми руками приезжать нехорошо. Вера купила килограмм ветчины, торт и еще всяких деликатесов.

Дома было тихо – Ирина ушла на работу, хотя нет, ведь сегодня суббота, значит, у Ирки шейпинг или солярий. Хорошо, что никого нет, можно спокойно собраться. Они с Максом вымыли лапы, потом Вера его покормила, сама выпила кофе. В раковине стояла грязная посуда еще с вечера.

– Ни за что не буду! – решительно произнесла Вера, но привычка взяла свое.

Оставив после себя чистую кухню, Вера прошла в спальню, чемодан она собрала за двадцать минут. Что взять из верхней одежды – плащ или пальто? В конце концов, она остановилась на плаще, а в чемодан сунула утепленную куртку. Ну вот, все готово. Вера надела свой любимый розовато-сиреневый свитер с высоким воротником, а к нему темно-серые брюки. Чуть не забыла подарок. Еще год назад она собиралась к тете Варе, но так и не доехала. И еще тогда она

купила тетке в подарок большой пуховый платок. Вера поискала на полке и рядом с платком обнаружила пакет с жакетом из черной ангорской шерсти. Она купила зачем-то, хотя черное ей никогда не шло, надела раза три и убрала. Вот и хорошо, тете Варе эта кофта как раз подойдет.

В результате получился довольно увесистый чемодан и тяжелая сумка с продуктами. Вера вынесла вещи в коридор и задумалась – не взять ли машину?

У мужа был «Мерседес», а Вера ездила на старом «жигуленке». Он все время ломался, муж не раз предлагал Вере купить что-то приличное, но Вера отказывалась. Если будет иномарка, машину станет брать дочь, а на это старье никто не претендует, Ирина ни за что не сядет в «Жигули» – не престижно! Вера использовала машину для хозяйственных нужд и ездила на ней нечасто. Ключи от машины лежали на столике у телефона.

«Нет, – подумала Вера, – ни к чему это. Раз решила ничего не брать, то и машину не надо, хотя она моя. Доеду до вокзала на такси».

В дверях заскрежетал ключ. Явился муж, слава богу, один.

– Ты куда это? – Он вытаращил глаза на чемодан.

– Я уезжаю к тете Варе погостить. Пока недели на две, а там посмотрим. Я позвоню или приеду за вещами. Если невтерпеж, можете обживатьсь в этой квартире, мне все равно. Простыни только не забудь перестелить! – не удержалась Вера напоследок.

– Что за демонстрации? – Муж повысил голос. – Прикидываешься бедной родственницей и будешь всем рассказывать, что тебя выгнали из дома? Ведь это был просто вариант, не хочешь – оставайся здесь, я уйду.

– Нет, Витя, они все правы, тут все твое, зачем же тебе уходить?

– Не будь ханжой, у тебя такой постный вид, как будто в монастырь собралась.

– Дурак! – не выдержала Вера.

«Господи, двадцать семь лет я прожила с совершенно чужим человеком! Нет, надо скорее уходить, а то совсем разругаемся».

– Я уйду. У Мака мясо кончается, надо покупать. Из всего этого, – она обвела квартиру рукой, – я возьму только свою одежду и кое-какие безделушки на память. Последни, чтобы твоя новая жена не трогала пока мои вещи. А это, – Вера протянула ему ключи от «Жигулей», – я оставляю ей в качестве свадебного подарка.

Он сжал зубы так, что по скулам заходили желваки, но ничего не сказал, а Вера взяла вещи и вышла.

Поезда не пришлось долго ждать, народу в вагоне по осеннему времени было немного. Вера сидела одна, никто к ней не подсел. Это было хорошо, потому что в поезде на нее опять накатила жуткая тоска, и слезы текли всю дорогу. Еще неделю назад все было хорошо, у нее был дом, семья, дети и собака, а теперь не осталось никого, кроме старой тетки, которую она не видела уже лет пятнадцать. Как же так получилось, почему? Ответа у нее не было.

Незаметно прошли два с половиной часа дороги. Вера поглядела на себя в маленькое зеркало и ужаснулась – на нее смотрело совершенно чужое измученное лицо. Еще бы, прореветь всю дорогу! Она припудрила нос, подкрасила губы и туго заколола волосы, уложить их с утра не было никакой возможности – после всех переживаний волосы висели как пакля. Для тети Вари она и такая хороша!

У вокзала в Луге она спросила дорогу, проехала несколько остановок на автобусе, нашла нужную улицу на самой окраине города. За 15 лет здесь мало что изменилось. Маленький переулочек был застроен деревянными частными домами. Вот калитка с почтовым ящиком. Вера открыла ее и смело прошла во двор – вряд ли у тети Вари злая собака.

– Есть кто дома?

– Сюда проходите, – раздался голос из-за угла.

Вера пролезла сквозь кусты сирени, они еще были с листьями, ведь хоть и октябрь, но заморозков не было, и оказалась в маленьком цветнике. В одном

углу цвел куст желтых георгинов, они называются «золотые шары». Рядом остались георгины темно-красные, они уже немного завяли, но выглядели привлекательно. А на клумбе росли осенние цветы – желтые, оранжевые, красные – и еще какие-то круглые кустики, усыпанные розовыми звездочками. У забора раскинулись кусты шиповника, они уже отцвели, и теперь ярко-оранжевые плоды красиво выделялись на зеленом фоне. Со стороны улицы у штакетника стоял пышный багряный клен и ронял свои листья в маленький садик.

«Как в «Снежной королеве» в саду у доброй волшебницы, – подумала Вера, – вокруг уже осень, а у нее в саду все цветет по-прежнему. А вот и сама волшебница».

Пожилая женщина поднялась с колен, она что-то делала с астрами и, щурясь, смотрела на Веру, не узнавая.

– Здравствуйте, вам кого?

– Тетя Варя, – голос у Веры дрогнул.

– Господи, Верочка, а я против солнца не вижу, – старушка всплеснула руками, – я бы тебя обязательно узнала.

– Я бы тебя тоже узнала, ты на бабушку похожа, какой я ее помню.

– Ну пойдём в дом скорее. Ты одна приехала?

– Одна. И, тетя Варя, можно я у тебя поживу немножко?

– Случилось что-нибудь, Верочка?

Вера помедлила с ответом.

– Ладно, потом расскажешь.

«Обязательно расскажу», – подумала Вера.

Они прошли в дом, разобрали сумку с продуктами, тетя Вера ахала, говорила, зачем столько всего.

– Знаешь что, Вера, давай гостей позовем, нам столько продуктов и за год не съесть.

Вера хотела было отказаться, но подумала, как хочется тете Варе пригласить гостей и как редко она может себе это позволить, ведь пенсия-то небольшая, поэтому согласилась.

Пришли две-три старушки-соседки, семейная пара средних лет, коллеги тети Вари по школе, ведь тетя Варя была учительницей русского языка раньше, а теперь давно на пенсии. Последним явился дородный мужчина с длинными седыми волосами. Оказалось, местный священник отец Валентин.

«Как будто в пьесе Чехова, – думала Вера, глядя на эту компанию, – священник, учителя, тетя Варя, а врача нет?»

– Вон Мария Семеновна, акушерка, бывшая, конечно.

Разговор шел о школе. Оказалось, тетя Варя школу не бросила, подрабатывает там на полставки библиотекарем, а еще подтягивает двоечников по русскому языку, причем денег за это принципиально не берет, за что коллеги ее осуждали. Потом возник спор о литературе, Вера все больше молчала, слушала. Наконец, гости ушли. Вера с тетей Варей мыли посуду.

– Совсем другой мир, – говорила Вера, – в городе все не так. Тетя Варя, трудно было привыкнуть к переменам?

– А что у нас изменилось? Пушкин, Лермонтов? Правописание корней кос-кас?

– А в последнем классе, советская литература?

– А кстати, знаешь, – старушка оживилась, – всего лишь лет пять назад я открыла для себя Платонова. Удивительный писатель, удивительный! Ты читала?

– Нет, но обязательно прочитаю, завтра же начну.

Когда улеглись, Вера заснула легко, подумав перед сном, что за весь вечер ни разу не вспомнила о своем несчастье.

Так прошло три дня. Они с тетей Варей обсудили Верины неприятности, причем тетя Варя уговаривала Веру не рубить сплеча, а как следует подумать, сходили на кладбище на могилку к бабушке.

Тетя Варя ушла в библиотеку. Вера сидела у окна с книгой на коленях и смотрела в сад. Так и жить тут, думала она. Книги, цветы, тетя Варя найдет ей какую-нибудь малооплачиваемую работу в школе или еще где-нибудь. Те две тысячи тратить экономно, хватит на год или больше. Купить краски, обои, печку побелить, окна покрасить, пока тепло. А они пусть там как хотят без нее. Тут тихо, спокойно, зимой печку топить, вязать, летом огород, грибы-ягоды. Она лет десять не была в лесу. Здесь, в Луге, леса сосновые, солнцем нагретые, пахнут как в раю...

Пришла тетя Варя из своей библиотеки и разбудила Веру.

– Что это со мной? Никогда я днем не спала, даже в детстве бабушка со мной мучилась.

– Это от воздуха, Веруша. Воздух у нас такой. Давай чай пить.

К вечеру пошел дождь, но все равно было приятно сидеть у печки и слушать, как капли стучат по крыше. Проехала машина, залаяла соседская собака, потом раздался стук в дверь.

– Хозяева, дома ли?

Тетя Варя вглядывалась в темноту.

– Судя по голосу, это наш местный полицейский. Иду, Алеша, иду!

Через открытую дверь в сени Вера видела, как вошел молодой парень в штатском и еще двое.

– Здравствуйте, Варвара Михайловна! – смущаясь, сказал Алексей. – Мы вообще-то не к вам, нам ваша гостья нужна.

У Веры глухо ухнуло сердце – что-то случилось. Она поднялась и на ватных ногах пошла в сени.

– Вы Вересова Вера Константиновна? – спросил один из сопровождавших Алексея мужчин. – Предъявите, пожалуйста, паспорт.

Дрожащими руками Вера показала им паспорт.

– Вам придется проехать с нами.

– Куда?

– В город, мы из Санкт-Петербурга.

– А как вы меня нашли? – тупо спросила Вера. – Ах да, через местную полицию.

– Собирайтесь, Вера Константиновна, время дорого.

– Но вы можете, по крайней мере, мне сказать, в чем меня обвиняют?

– Вас пока ни в чем не обвиняют, а будут допрашивать, как свидетеля.

– Но что случилось? Объясните же!

– Хорошо. Это ваша машина, «Жигули»? – Он назвал номер.

– Да моя, вернее, моего мужа, но я несколько лет ездила на ней по доверенности. Что-то с машиной?

– А вам знакома такая Людмила Шитова?

- Да, это... это любовница моего мужа, они собирались пожениться. Она попала в аварию, когда ехала на машине?

- Поехать она, собственно, не успела. Когда она включила зажигание, раздался взрыв, взорвалась ваша машина и еще две рядом. Жертв, кроме Шитовой, больше не было.

- Она умерла? - спросила Вера не своим голосом.

- На месте.

- Это несчастный случай?

- Да нет, эксперты обнаружили в машине остатки взрывного устройства. А теперь поехали, гражданка Вересова, ночь на дворе.

В машине Вера молчала, опера тоже не тревожили ее вопросами. Сначала Вера переживала, что машину все-таки могла взять дочь именно в этот день, потом, что рядом в сгоревших машинах могли быть люди, и только в конце пути на подъезде к городу до нее дошло, что полиция, да и муж тоже считают, что это она подсунула в машину бомбу, чтобы отомстить своей сопернице. Ведь она сама отдала мужу ключи от машины. Господи, что же теперь делать!

Опера привезли Веру в полицию поздно ночью и там же допросили, чтобы два раза не ездить. Вера честно рассказала им, почему она уехала в Лугу и какие чувства она испытывала к покойной Людмиле Шитовой. Но опера больше расспрашивали про машину, когда она последний раз на ней ездила и не давала ли ключи посторонним. Вера припомнила, что на машине она ездила довольно давно, когда перед именинами тридцатого сентября покупала продукты к праздничному столу.

- И послушайте, я понимаю, что вы мне не поверите, когда я скажу, что ничего не понимаю во взрывных устройствах, у меня нет никакого специального образования, полиграфический техникум - и все. Но до тридцатого сентября я и слухом не слыхивала ни о какой Людмиле Шитовой, муж сказал мне про их отношения именно тридцатого сентября. А после тридцатого я к машине не подходила, сторож на стоянке может подтвердить.

В конце концов, опера ее отпустили не потому, что поверили, а потому что у них в голове не укладывалось, как может немолодая домохозяйка известить соперницу посредством взрывного устройства в собственной машине. Не было в их практике такого случая – и все тут!

Домой Вера добралась под утро. Она открыла дверь своим ключом, гавкнул Макс спросонья. На шум вышел муж, небритый, помятый, но одетый, видно, так и заснул на диване в гостиной.

– Здравствуй, Виктор, я только что из полиции.

– Тебя отпустили? – удивился он.

– А почему меня должны были задержать? – в свою очередь, удивилась Вера.

– Тебя отпустили, несмотря ни на что? – не слушая, повторил он.

– Виктор, опомнись, ты что думаешь, что это я подложила бомбу в машину? Даже полиция не поверила, а ты меня знаешь столько лет!

– Я не знаю, что я должен думать. Ты отдала мне ключи, она села в машину и взорвалась. Машина твоя, а ее ты ненавидела.

– Значит, ты и правда так думаешь... – задумчиво проговорила Вера. – А знаешь, чего я тебе никогда не прощу? Не того, что ты меня бросил, и не того, что собирался привести в эту квартиру свою девку и спать с ней в моей постели. А вот этого, что ты поверил, что я могла ее убить. Я бы про тебя ни во что такое не поверила. И сказать еще? Я рада, что она умерла. Я в этом не виновата, но я рада. Не потому, что я ее ненавидела, много чести. А потому, что тебе теперь так же плохо, как мне.

Надежда шла по улице, с любопытством оглядываясь по сторонам. Ее давняя приятельница с работы собралась покупать квартиру и попросила Надежду поехать с ней и посмотреть, потому что район, где находилась квартира, Надежда хорошо знала, когда-то жила там несколько лет.

Квартира приятельнице не понравилась, и она умчалась по своим делам, а Надежда решила пройтись, не спеша, по улицам и посмотреть, как все изменилось, а то когда еще сюда попадешь. Была середина октября, бабье лето в этом году позднее, погода располагала к прогулке. Улица называлась Курляндская. А вот и дом, где они жили семь лет с первым мужем и маленькой Аленой. Как много прошло времени с тех пор, Алена уже взрослая, сама мама, у нее, Надежды, есть внучка Света пяти лет. Вот в этом скверике они гуляли с Аленой совсем маленькой, а через эту дыру в заборе они проходили в Аленин садик. А школа по другую сторону двора, но Алена в нее не ходила, потому что они переехали. С мужем Надежда развелась, и они разменяли квартиру. Перед ее мысленным взором промелькнули семь лет жизни здесь, в этом районе. Особенно вспоминать было нечего – в ее жизни тогда было мало хорошего – сначала легкое недоумение оттого, что они с мужем оказались такими разными, потом, после рождения ребенка, от усталости и бессонных ночей накопилось раздражение, потом пошли ссоры, а последний год они прожили рядом как посторонние люди, даже не ругались. Да, вспомнить-то оказалось нечего.

Муж Надежды вскоре после развода женился, на этот раз удачно, а Надежда ждала пятнадцать лет, пока не встретила своего, настоящего. Шестой год она замужем и живет счастливо, о другом муже и не мечтает.

Навстречу Надежде шла молодая женщина, рядом на трехколесном велосипеде ехал мальчик лет четырех.

«Как похожа на Любу! – подумала Надежда. – Те же светлые волосы, нос курносый, веснушки, крупная, но не толстая. Это потом Люба располнела, а когда мы с ней вместе гуляли с девочками маленькими, она как раз такая была. Да ведь это, наверное, и есть ее дочка, по возрасту подходит».

– Маша! – закричала Надежда.

Женщина обернулась.

– Машенька, ты меня не помнишь, я Аленина мама, вы в садик вместе ходили, когда мы здесь жили, хотя столько времени прошло...

– Помню Алену, – слабо улыбнулась Маша, – здравствуйте, тетя Надя.

– А вы так здесь и живете? Ты сама мамой стала, у Алены тоже дочка, а как мама, Люба-то как?

У Маши по щекам покатались крупные слезы, она их не вытирала.

– Мама умерла.

– Да что ты! – ахнула Надежда. – Когда же?

– Завтра будет две недели.

– А как же все случилось? Она что, болела?

– Нет... шла вечером, не поздно даже, кто-то в лифте ударил ее по голове, наверное, деньги отобрать хотели. Только не взяли сумку, видно, спугнул их кто-то. А потом сосед с шестого этажа подходит к лифту, а мама там... Пока «Скорую» вызвали, пока довезли, она в дороге умерла.

Надежда, потрясенная, молчала.

– Господи, кошмар какой, что на свете делается! Как же ты теперь?

– Муж работает, я работаю в роддоме на Огородникова.

– Там, где мы с мамой вас рожали.

– Да, Гриша в садик ходит тот же самый. Приходите, тетя Надя, на сорок дней маминых.

– Приду, позвоню накануне и приду. У вас телефон тот же?

– Да, не менялся.

Надежда поцеловала маленького Гришу и пошла на троллейбус. Гулять ей расхотелось.

Она ехала в метро и вспоминала Любу. Простая милая женщина, всегда была веселой, не унывала. С образованием у нее, конечно, было не очень, приехала из деревни, здесь вышла замуж, мужу дали комнату. Познакомились они с Надеждой в роддоме, так получилось, что обеим пришлось там пролежать две недели. Потом оказалось, что живут они в соседних домах, так и встречались во дворе да в скверике. У Надежды с кормлением грудью было не очень, на всю жизнь запомнит она этот кошмар, а через три месяца молоко и вовсе пропало. А у Любы молока было на троих детей, поэтому она просто велела Надежде приносить Алену днем к ней домой. Так Надежда и таскала ребенка несколько месяцев, благо дома рядом. И выходит, что Маша с Аленой молочные сестры.

Вера, Надежда, Любовь... Да, была еще Вера тоже там, в роддоме. Доктор Алексей Иванович не уставал удивляться такому совпадению. И у всех троих были девочки. С Верой Надежда дружила долго, только последние несколько лет перестали они перезваниваться. Муж у Веры разбогател, и как-то стали они вращаться в разных плоскостях. Пожалуй, Вера и не знает, что Надежда замужем.

– Позвоню-ка я Вере, – решила Надежда, – расскажу про Любу, поболтаем, может, легче станет на душе. А то сердце не на месте. Какая ужасная смерть!

Надежда открыла дверь своим ключом. Пока она возилась с дверью, из прихожей слышался какой-то шум и возня. Все ясно: кот опять устроил какую-то пакость!

Так и есть: обои у дверного косяка были ободраны, и пол усеян маленькими клочками.

– Ну какой негодяй! – простонала Надежда. – Ведь недавно коридор поклеили, несколько месяцев всего.

Она проскочила в комнату, где огромный рыже-полосатый кот с белыми лапами лежал на диване и делал вид, что спит.

– Не притворяйся, паршивец! Я все равно видела, что ты драл обои. Бейсик, я с тобой разговариваю!

Бейсик открыл глаза и недоуменно посмотрел на хозяйку.

«Это ты мне»? – говорил его взгляд.

– Мерзавец ты и все.

В дверь заглянула соседка Мария Петровна.

– Надя, ты дома? А что это у тебя дверь открыта? Кот не убежит?

– Убежит он, как же! Вон поглядите, что устроил, недавно же обои переклеивали.

– Носом надо тыкать! – глубокомысленно изрекла Мария Петровна.

Надежда схватила кота, вынесла его в коридор и стала тыкать в кучу обойных клочков. Бейсик молча вырывался, потом изловчился, цапнул Надежду за руку и отскочил в сторону.

– Будешь еще обои драть, рыжий негодяй? – закричала Надежда.

Бейсик выгнул спину и сказал «Мур-м-м», что означало «Буду обязательно».

Надежда засмеялась:

– Что уж тут сделаешь? Это Саша его распустил, все ему позволяет.

Мария Петровна покачала головой и ушла. Надежда убрала в коридоре, начистила картошки к ужину, вымыла овощи для салата, Бейсика кормить не стала из воспитательных соображений, а потом вспомнила, что собиралась позвонить Вере. Она порылась в старой записной книжке, там был телефон, но не тот, да, они же поменяли квартиру. Пришлось искать телефон по справке, хорошо, что он оказался оформленным на Веру, а не на ее мужа. После таких сложных поисков нельзя было не позвонить. Надежда набрала номер, ответил женский голос.

- Алло, это Вера?

- Что вам угодно?

- Мне нужна Вера, Вера Вересова.

- Я вас слушаю, - а голос какой-то чужой.

- Вера, это Надя. Мы с тобой давно не виделись, ты помнишь меня?

- Я помню. Случилось что-нибудь? - довольно равнодушно спросила Вера.

Надежда немного растерялась.

- Вера, может быть, я не вовремя, у тебя голос какой-то не такой?

- Да нет, Надя, что ты.

- А я хотела сказать. Ты помнишь Любу? Ну там, в роддоме. Так я сегодня узнала, что она умерла.

- Болела?

- Нет, ее убили. Что ты молчишь?

- Ох, Надя, мне сейчас еще, может, хуже, чем Любе!

- Да что ты говоришь? Все здоровы у тебя?

- Все здоровы, - с горечью ответила Вера, - да только никому от этого не легче.

- Знаешь что, Вера, завтра суббота, у меня муж работает, а ты приезжай ко мне. Любу помянем, поговорим. Обойдутся твои без тебя полдня!

- Да они и совсем без меня обойдутся.

– Вот и приезжай. А то видишь, как с Любой получилось. Я все собиралась ей позвонить, да откладывала, вот и дооткладывалась.

Тут Надежда заметила, что в прихожей стоит вернувшийся с работы муж, а Бейсик ходит рядом – хвост трубой – и уже успел наябедничать мужу, как Надежда тыкала его носом в обои.

– Вот видишь, Надя, какая история, – Вера помешивала ложечкой остывший чай. – Муж со мной не разговаривает, вечерами выпивать начал. Я дома машинально все делаю, с собакой гуляю, иногда думаю – зачем все? Уехала бы к тете Варе, так полиция не пускает.

– А что, полиция что-нибудь делает? Ищет того, кто бомбу подложил?

– Да темнят они что-то. Следователь из меня всю душу вытянул. Но ты-то хоть веришь, что я этого не делала?

– Господь с тобой, Вера, конечно, верю! Ведь это не представить, чтобы где-то взрывное устройство достать и в машину присобачить. У меня хоть и высшее техническое образование, двадцать пять лет инженером проработала, а все равно ни за что не догадаюсь, как это сделать.

– Вот и я говорю следователю, что такое только в кино видела, а он молчит.

– Может, он думает, что ты киллера наняла?

– Вот и пусть доказывает, а только не нанимала я киллера! Он говорит: кто мог знать, что она на той машине поедет? Мой муж и я. Главное, муж сам ее на стоянку отвел, машину показал, сказал, что доверенность переоформит. А ей, видно, невтерпеж было ждать, вот и...

– Н-да-а, но послушай, Вера, а не могло так быть, что кто-то эту бомбу против тебя заложил? Ты уж прости, что я так прямо выражаюсь.

– Спрашивал про это следователь, нет ли у меня врагов, не хотел ли кто от меня избавиться? Я и отвечаю, что избавиться от меня хотела эта самая Людмила

Шитова. Так что, она взрывчатку в машину подложила, а потом сама решила прокатиться?

- Да, концы с концами не сходятся.

- Пойду я, Надя, поздно уже, с собакой надо гулять.

- Ну, иди, я завтра к маме на дачу поеду, в понедельник вернусь, потом тебе позвоню.

Когда муж вернулся с занятий, Надежда была в дурном настроении. Ее потрясла Верина история, она из женской солидарности обиделась на всех мужчин и решила выместить это на первом встречном, а им оказался ее собственный муж Сан Саныч. Они поужинали в полном молчании, потом Надежда начала греметь посудой на кухне, а муж ушел в комнату с Бейсиком на руках. Дуться одной на кухне было неинтересно, поэтому Надежда тоже потащилась в комнату.

- Что с тобой случилось? - мягко спросил муж. - Встала не с той ноги?

- Вы, мужчины, все одинаковы. Живешь с вами, вдруг в один прекрасный момент вы все перечеркиваете и начинаете новую жизнь с другой, старой жене куда деваться в сорок восемь лет?

- Ты про себя?

- Пока нет, это с моей подругой такой случай, ее бросил муж.

- А почему я должен отвечать за человека, которого никогда в жизни в глаза не видел и никогда не увижу?

- Почему не увидишь?

- Раз ты говоришь, что он бросил твою подругу, значит, они расстались, поэтому мы с ним не увидимся, - муж смотрел на нее смеющимися глазами. - Надежда, прекрати капризничать, я очень сочувствую твоей подруге, но субботний вечер мы могли провести по-другому.

– Прости меня, Саша, – она прижалась к его щеке, – эта история так на меня повлияла.

Он погладил ее по голове, но неприятное гнетущее чувство не проходило.

Надежда возвращалась с дачи не поздно, но по осеннему времени было темно. Тяжеленная сумка оттягивала руки – мать впихнула варенья, да еще банку с огурцами. Вот и ее дом, теперь дойти до своей третьей парадной, и она на месте. Только бы лифт работал!

Надежда шла вдоль дома и уже собиралась повернуть к своей парадной, как вдруг заметила, что слева, не по асфальтовой дорожке, а прямо под окнами первого этажа бредет Зинка-пьяница, держась за стенку.

– Опять Зинаида выпивши! – Надежда инстинктивно замедлила шаг, ей не хотелось встречаться с Зинаидой у лифта, та привяжется с разговорами, потом попросит денег в займы. Денег ей никто уже не дает, потому что она никогда их не возвращает. Не ожидая, пока Зинаида ее заметит, Надежда шустро нырнула в кусты, которые росли у парадной, пробежала по газону и вышла на асфальтовую дорожку прямо перед соседкой Марией Петровной, которая гуляла со своим скотч-терьером и понемногу дрейфовала к дому.

– Господи, Надежда, напугала-то как!

– Да я, Мария Петровна, с Зинкой в лифте ехать не хочу.

– Правильно, а слыхала, что они вчера устроили? Со своего девятого этажа все квартиры залили до четвертого. У нее муж воду в раковину пустил, а сам ушел в комнату и заснул. А там попало что-то. Сегодня техник приходила, акт составила, а что с них возьмешь? У них квартира пустая, одни стены голые.

– Хорошо, что наши квартиры по другому стояку. А где Тяпка-то? Он черный, его в темноте и не видно.

– Обижаешь, Надежда. Нам внук фирменный комбинезон подарил, там на лапе светящаяся краска. Вон, смотри, бежит!

– Ой, правда! Надо же, как здорово.

– Так что мы теперь как новые русские собаки, – с гордостью заключила Мария Петровна, – однако пойдём-ка домой. Дождик накрапывает, нагулялся уже Тяпка.

Из парадной выскочил подросток в темной куртке и темной же вязаной шапочке и быстрым шагом направился в сторону.

Они вошли в парадную, нажали кнопку вызова лифта. Лифт шел долго с девятого этажа, значит, подросток им не пользовался. Тяпа что-то заупрямился, Мария Петровна подхватила его на руки и уже хотела было шагнуть в раскрывшиеся двери, как вдруг Надежда закричала «Стойте!».

На полу в лифте лежала Зинаида.

– Господи, ну что же это такое, до квартиры ей не дойти, в лифте уснула. Зина, Зина! – наклонилась Мария Петровна, – ты что?

Тяпа вырвался из ее рук и отбежал в сторону с рычанием. Глаза Зинаиды были закрыты, и в тусклом свете лампочки в лифте Надежде показалось, что Зинаида неестественно бледна. Она присела на корточки и попыталась поднять Зинину голову. Капюшон старой куртки тяжело плюхнулся на пол. Он был полон крови.

– Господи, помилуй! – прошептала Мария Петровна, – Надя, пульс пощупай.

– Да нет его совсем.

Открылась дверь квартиры на первом этаже, осветила площадку. Рядом с лифтом валялась Зинаидина сумка, Надежда в темноте ее не заметила, а лампочка на площадке первого этажа была разбита.

Дальше началась суматоха. Приехала «Скорая», потом полиция. Зинаиду отвезли прямо в морг, сделать уже ничего было нельзя. Тяпа очень лаял на полицейских, поэтому Марию Петровну с ним отпустили, а Надежду еще долго держали на площадке, пока она не взмолилась. Тогда их участковый, Павел Савельич, спросил разрешения, и Надежда пешком потащилась наверх, потому что в лифте

работали криминалисты.

Злая на весь мир, Надежда позвонила в дверь своей квартиры.

- Кто там? - спросил муж за дверью.

- Открывай скорее! - заорала Надежда, потеряв терпение.

Дверь открылась, на пороге стоял муж с газетой в одной руке и с котом в другой.

- Почему ты не звонишь своим звонком? - поинтересовался муж. - Если бы позвонила, как мы договаривались, два коротких звонка, я бы открыл, не спрашивая.

Надежда молча прошла в коридор и плюхнула сумку на пол. Муж стоял на пороге комнаты очень аккуратный, в домашней куртке и тщательно отутюженных брюках, и хоть Бейсик явно предыдущие полчаса провел у мужа на коленях, следов рыжей шерсти на брюках почему-то не наблюдалось. Надежда заглянула в комнату. Там было прибрано, все так, как она оставила, когда уезжала вчера на дачу, горел только торшер у кресла, где муж читал газеты. На диване Надеждин муж Сан Саныч лежал днем, только когда болел.

- Так что случилось, Надя? - Сан Саныч опустил наконец кота на пол, и Бейсик с живейшим интересом принялся обнюхивать дачную сумку.

- Зинаиду с девятого этажа в лифте убили! - с маху брякнула Надежда.

- А ты тут при чем?

- Мы с Марией Петровной ее обнаружили. Какой-то парень по голове стукнул и убежал.

- А за что? Насколько я понимаю, денег у нее никогда не водилось.

- Вот именно, - подтвердила Надежда, и у нее где-то в области желудка шевельнулось неприятное чувство.

– Ты устала, Надя, – спохватился муж, – я сейчас ужин разогрею, а ты пока душ прими.

– Нельзя, – вздохнула Надежда, – сейчас менты придут, допрашивать меня будут.

Сан Саныч поморщился при слове «менты», он никогда не употреблял жаргонных словечек и не любил, когда Надежда это делала. Надежда переоделась, причесала волосы, а потом пришел Павел Савельич и позвал ее в соседнюю квартиру к Марии Петровне на допрос. Надежда с радостью согласилась идти, так как не хотела, чтобы муж слышал, что она расскажет полиции.

С допросом покончили довольно быстро. Надежда с соседкой рассказали все, как было, а на вопрос, почему они задержались на улице и не поехали вместе с Зинаидой, Мария Петровна ответила, что Тяпа, как всякая собака, не любит пьяных и стал бы лаять и рычать на Зинаиду, вот они и решили подождать. Описывая вышедшего из парадной парня, Мария Петровна и Надежда немного разошлись в показаниях. Соседка утверждала, что это совсем мальчишка, подросток, такой он был худенький и щуплый. А Надежде казалось, что парень постарше. Она толком не могла объяснить почему и надолго задумалась.

– Понимаете, походка у него была не мальчишеская такая разболтанная, а вот... вышел человек из подъезда и пошел с целью, а не просто так, уверенно пошел, по-деловому. Подростки так не ходят.

Опер с сомнением покачал головой, но ничего не сказал.

Дома муж ждал объяснений.

– Надежда! – строго начал он. – Почему ты опять возвращаешься с дачи затемно? Ведь я же просил тебя не ездить одной так поздно.

– Где же поздно, Саша? Мария Петровна с Тяпой гуляет в десять утра, в три и в девять вечера. Значит, было минут двадцать десятого, совсем не поздно. Это меня потом полиция внизу задержала.

– И потом, – продолжал он, – мы же договорились, что ты будешь звонить от метро, я тебя встречу.

– Я звонила, тебя дома не было, – быстро соврала Надежда и попала в точку. Муж поверил, но все равно рассердился.

– Ты понимаешь, что на месте Зинаиды могла быть ты! – закричал он. – Кругом такое хулиганство, разгул преступности, а ты ходишь одна в темноте.

«Возможно, он гораздо ближе к истине, чем думает», – пронеслось в голове у Надежды, а вслух она сказала ласково:

– Сашенька, не волнуйся, я же не пошла одна в парадную, а дождалась Марию Петровну, а Тяпа у нее хоть и маленький, но все же собака, гавкнуть может. И давай скорее ужинать, а то поздно уже.

Надежда проснулась среди ночи. На сердце было тяжело. Сначала она подумала, что это от съеденного накануне слишком поздно плотного ужина, но все было гораздо хуже.

«Это меня хотели убить! – металось в голове. – И убили бы, как Любу. Та же история – стукнули тяжелым по голове и затащили в лифт. Только у Любы в доме лифт старый, двери не автоматические, поэтому убийца должен был вместе с Любой в лифт сесть, а у нас двери лифта открываются автоматически, поэтому Зинаиду внизу стукнули, кнопку в лифте нажали, а сам он выскочил».

«Не может быть!» – ответила она самой себе.

«Все так и есть, – ответил невидимый оппонент в мозгу, – кто-то сидел между лестничными площадками у окна второго этажа и караулил, когда я пойду к парадной. Увидел меня и побежал вниз, к лифту, значит, в окно он в это время не смотрел и не заметил, как я свернула в кусты. А Зинаида шла прямо под домом, ее из окна второго этажа не было видно. Лампочка на площадке разбита, на мне была старая дачная куртка и капюшон надет, потому что дождик накрапывал. У Зинаиды тоже куртка с капюшоном...»

Мысли Надежды приняли совершенно другой оборот.

«Как же я одеваюсь, если меня можно перепутать с последней пьяницей?»

«Что же мне, по грязным электричкам в хорошем пальто болтаться? – огрызнулась она самой себе. – Сейчас осень, дожди, в поезде одни садоводы. Такие же, как я. Но вообще-то неприятно».

«Позвоню завтра Маше, Любиной дочке, узнаю, нет ли новостей о Любиной смерти, может, убийцу уже нашли? Хотя маловероятно, и того, кто Зинаиду убил, тоже не найдут».

– Надя, что ты сегодня такая беспокойная? – сонно пробормотал муж. – Вертишься, Бейсику спать мешаешь.

«Ему лишь бы Бейсику никто не мешал!» – в обиде подумала Надежда, но в глубине души она знала, что не права, что муж очень беспокоится за нее, потому что первая его жена умерла, он тогда очень переживал и знает, как это тяжело. А она, Надежда, вечно впутывается во всякие истории, как тогда на работе три с половиной года назад, когда в институте, где она проработала много лет, вдруг начали загадочно умирать люди. Конечно, Надежда со своим приятелем Валей Голубевым не могли остаться в стороне и сами взялись за расследование загадочных убийств. А в результате Надежда чуть не погибла у проходной собственного института. Тогда от страха она сделала огромную глупость – обо всем рассказала мужу. Муж ужасно за нее испугался и, как всякий мужчина в подобном случае, устроил грандиозный скандал. Поэтому Надежда дала себе слово никогда больше мужу ничего не рассказывать, а со своими неприятностями разбираться самой.

А сейчас надо скорее заснуть, ведь завтра рано на работу. И уже перед глазами, как всегда перед наступлением сна, поплыли какие-то образы, дома, люди, но вдруг одна страшная мысль заставила Надежду сесть в кровати.

Вера, Надежда, Любовь... Ведь это все взаимосвязано: сначала убили Любу, потом покушались на Веру, ведь именно для этого заложили в ее машину взрывное устройство. А потом наступила очередь Надежды. И кому же это интересно понадобилось убивать трех немолодых женщин?

– Чушь какая! – сказала Надежда вполголоса.

Муж проснулся и посмотрел на нее внимательно:

- Не спится? Болит что-нибудь?

- Так, мысли разные. Все Зинаида мертвая перед глазами стоит.

Сан Саныч взбил ей подушку, обнял, укрыл одеялом и даже - неслыханно! - выгнал с дивана Бейсика.

«Наконец-то сообразил», - успокоенно подумала Надежда и заснула, прижавшись к его теплему боку.

Назавтра вечером, когда муж Сан Саныч ушел читать лекции на курсы пользователей персональных компьютеров, Надежда позвонила Маше, Любиной дочери. Вспомнив о матери, Маша заговорила сквозь слезы. Конечно, никого из этих хулиганов не нашли.

- Голову ей разбили чем-то тяжелым. И ведь ничего не взяли, сволочи, - Маша замолчала, чувствовалось, что она борется с подступившими к горлу рыданиями. - Просто так, просто так ни за что убили человека... И откуда берутся такие подонки? Матерей у них не было, что ли? Господи, как жить! И таких случаев много, очень много. На работе у нас в роддоме так же бессмысленно женщину одну убили. Клавдию Васильевну, медсестру. Она уже на пенсии была, но подрабатывала. А тут не выходит на работу, ей звонят домой, дежурство у нее, если заболела - нужно предупредить, чтобы подменили. А родственники сами волнуются, говорят, с дачи не вернулась. Искали-искали, только через неделю нашли в пожарном водоеме на полпути от дачи к станции... Сначала думали - плохо стало, упала, а вскрытие показало, что задушили ее, а потом мертвую в воду бросили. И тоже ничего не взяли, да и брать-то особо нечего было, но даже и кошелек с деньгами, уж какие там были, и то в кармане остался, не тронули.

- Клавдия Васильевна? Полненькая такая, роста маленького, голосок тонкий?

- Ну да, голос писклявый, маленькая, толстوشка. А вы ее знали, тетя Надя?

– Да вроде как знала. Когда мы с твоей мамой в роддоме лежали, она у нас детской сестрой была. Клава, фамилию не помню, конечно. А доктор Алексей Иванович как поживает?

– Алексея-то Ивановича уже нету, лет пять назад как умер, мы с мамой и на похоронах были. Такой доктор хороший и человек редкостный... Инфаркт у него был.

– Да что ты? Жалко как, золотой человек был. Ты скажи, Маша, у вас в роддоме старые дела, истории болезни или как они там называются, долго хранятся?

– Хранятся-то они долго, да только и тут у нас ЧП было. Кто-то ночью в архив влез и часть документов украл. Понятия не имеем, зачем ему это понадобилось? Видно, шпана, хулиганье. Нянечка дежурная видела, как подросток оттуда убежал.

– А много документов пропало?

– Да все папки за один год.

– За какой? – Голос Надежды задрожал от волнения.

– За девяносто первый. А что? Ой, как раз год моего рождения...

– Да, твоего и Алены моей. Год, когда мы все познакомились, – я, мама твоя, Вера, Софа...

После разговора с Машей Надежда уже не сомневалась, что все трагические события последних дней взаимосвязаны. Любу убили, медсестру Клаву убили. Ее саму и Веру явно пытались убить, и по случайности, которую язык не поворачивается назвать счастливой, вместо них погибли два других человека. Правда, рассматривая все происшедшее с точки зрения «высшей справедливости», можно было бы сказать, что женщина, погибшая вместо Веры, наказана за собственную жадность и хищничество, а о пьянчужке Зинаиде никто особенно не горевал, но кто может взять на себя смелость решить, что один человек ценнее другого и более достоин жизни? Такая постановка вопроса может далеко завести, и от нее прямая дорожка ведет к печам концлагерей...

Но, так или иначе, погибли, по крайней мере, четыре человека, пропали документы, связанные с годом и местом рождения ее дочери Алены, и неизвестный убийца наверняка не остановится на достигнутом. Он уже ошибся один, нет, два раза, но будет продолжать начатое и, судя по тому, как обильно собирает он свою кровавую жатву, постарается добраться до них с Верой и до остальных.

Как бы то ни было, явно нужно было встретиться с Верой, вспомнить все события далекого девяносто первого года и подумать сообща, что же происходит, какие тучи над ними собираются и как им выпутаться из свалившихся на них неприятностей.

Не откладывая дело в долгий ящик, Надежда набрала телефон Веры.

- Вера, нужно встретиться, - сказала она не терпящим возражений тоном.

- Ну, приезжай завтра ко мне, - со вздохом согласилась Вера. - Угол Суворовского и Таврической, наискосок от музея Суворова. Подъезд прямо с угла, скажешь, что в пятнадцатую квартиру.

- Жди меня к пяти, я из института, тут рядом, пешком дойду.

Нужный дом Надежда нашла без труда - ведь весь этот район она знала как свои пять пальцев - ее институт находился на площади Растрелли, это десять минут ходу. Подъезд был впечатляющий, над дверью висела телекамера. Надежда нажала красную кнопку.

- Вы к кому? - сказала телекамера.

- В пятнадцатую квартиру.

Дверь открылась автоматически, и Надежда увидела охранника в камуфляже, он сидел в углу за столиком, перед ним светилось четыре или пять мониторов.

- Это же надо, как в кино, - усмехнулась Надежда.

По широкой лестнице, устланной малиновой ковровой дорожкой, она поднялась на второй этаж. Между этажами на площадке у красивой формы окна стояли два искусственных кипариса.

«И ничего такого! – подумала Надежда. – Дом старый, просто вернули все, как было до революции, только вместо швейцара в галунах охранник в камуфляже.

Вера открыла дверь сразу же, видно, охранник ее предупредил. Была она аккуратно одета и причесана, но в глазах виднелась такая тоска, что Надежда забеспокоилась.

– Ты здорова, Вера? Что-то мне твой вид не нравится.

– Так вроде ничего не болит, только ночами не сплю. Тише, Мак, не приставай!

Человечество испокон веков делится на два враждующих лагеря – владельцев собак и владельцев котов. Правда, есть люди, которые держат и кота, и собаку, мотивируя это тем, что их любимцы якобы очень дружат и жить не могут друг без друга. Надежда таких людей не одобряла и считала их двурушниками. И хотя она была ревностной котовладелицей, но светло-желтый Маклай с некупированными по последней боксерской моде ушами привел ее в умиление.

– Какой красавец!

– Последнее время стал меня больше любить, а то все к мужу ластился. Вот так и сидим с ним целыми днями дома одни, – вздохнула Вера, – скоро разговаривать разучусь.

– Квартиру можно посмотреть? – перевела разговор Надежда.

– Смотри, а я пока там на кухне все приготовлю.

Квартира Надежду потрясла. Она долго ходила по комнатам и мечтала, как было бы здорово всем поселиться в такой квартире. Алена приехала бы из Северодвинска, где зять все равно собирается увольняться из флота и они все впятером зажили бы в такой квартире. Четыре комнаты и огромная кухня – фантастика! Она заглянула в кухню. Увидев ее лицо, Вера криво улыбнулась:

– Ну скажи, как все «И что вам не жилось в такой квартире»!

– И верно, – засмеялась Надежда, – вертится на языке эта фраза. Здорово ты тут поработала, уютно очень.

Вера промолчала. Они сели за стол, уставленный разными вкусностями. Но все было из магазина, ничего самодельного. Чувствовалось, что хоть Вера и сидит дома, готовить ей абсолютно не хочется. Они поели молча, причем Вера только поклевала, у Надежды же, наоборот, несмотря на неприятности, аппетит был хороший, как всегда.

– Вот что я тебе скажу, Вера, – начала Надежда, отпивая кофе. – Ты, как я погляжу, в таком состоянии, что еще одна плохая новость хуже тебе не сделает. Так вот, я тут поразмыслила вчера ночью и пришла к выводу, что эта Людмила Шитова, твоего мужа хахальница, заняла, так сказать, твое место. Это тебя хотели в машине взорвать.

– Ну уж! – усмехнулась Вера. – И с чего ты так уверена?

– Во-первых, я не очень-то пока уверена, – призналась Надежда, – а во-вторых, вот послушай, что вчера вечером со мной произошло.

Надежда подробно пересказала Вере вчерашнюю историю с Зинаидой и с похожей курткой.

– Тебе это ничего не напоминает?

– У Любы так же было.

– Верно! И вот стала я думать: конечно, возможны совпадения, но все же, с чего это вдруг на нас троих такая напасть одновременно? Что нас всех связывает, раз именно в это время мы кому-то помешали?

– Ты считаешь, это один и тот же человек орудовал или группа? Почему же тогда такие сложности со мной – бомбу в машину подкладывать?

– Потому что в лифте тебя никак не убить! – Надежда решила отбросить всякую дипломатию и называть вещи своими именами. – Дверь железная, внутри этот тип в форме, вся лестница светом залита – прямо первый бал Наташи Ростовской! Музыки только не хватает. Где уж тут тебя по голове стукнуть! И на улице тоже через каждые сто метров полицейский попадает, уж такой у вас район. Пришлось пойти сложным путем, привлечь технику.

– А зачем?

– Что – зачем?

– Ну, раз уж ты все знаешь, то зачем ему нас убивать? – ехидно спросила Вера.

– Вот! – обрадовалась Надежда, – очень правильно мыслишь. Значит, на чем мы остановились? Что нас связывает? И получается, что связывает нас роддом, потому что там мы все познакомились и две недели вместо положенных шести дней провели. С Любой мы еще потом несколько лет дружили, пока я из того района не переехала, с тобой долго встречались, а с остальными связь потеряли. Значит, звоню я вчера Любиной дочке Маше, она медсестрой работает в том самом роддоме на Огородникова, теперь это Рижский проспект, а я никак не привыкну. И сообщает она мне удивительные вещи. Во-первых, кто-то влез к ним в архив и украл все папки с медкартами за 1991 год.

– Интересно!

– Молчи пока. А во-вторых, помнишь детскую сестру Клаву, она на нашем отделении больше всего работала. Помнишь, мы еще в ужас приходили, как она новорожденных носила – по трое на одной руке, все боялись, что она их уронит?

– Конечно, помню!

– Вот, недели три назад нашли ее убитой за городом. Возвращалась она с дачи, ее задушили и бросили в пожарный водоем. Убийцу, естественно, не нашли.

– Ужас какой, что ты говоришь, Надежда!

– А доктор Алексей Иванович...

– Что – тоже убили?

– Нет, умер он своей смертью лет пять назад, пожилой уже был. И вот я тебе сейчас предлагаю посидеть спокойно и вспомнить, кто еще вместе с нами эти две недели в палате лежал, и что такого серьезного могло тогда случиться, что теперь через двадцать шесть лет так страшно откликнулось.

– Да что можно вспомнить через столько лет? – вяло возразила Вера. – И к тому же, знаешь, Надя, мне уже все равно.

– А мне не все равно! – вскипела Надежда. – Я жить хочу, хочу по улицам спокойно ходить, не оглядываясь. Внучку хочу вырастить, с мужем мне жить еще не надоело! Вера, ну скажи, неужели тебе неинтересно выяснить, что за сволочь на тебя покушалась, и доказательства твоему благоверному в физиономию бросить, чтобы он точно знал, что не ты его девицу взорвала?

Расчет Надежды был верен, Вера оживилась, глаза ее заблестели, но ненадолго.

– А что потом? – вздохнула Вера. – Ну, докажу я ему, что ни при чем, а толку? Все равно никому я не нужна.

– Потом уедешь спокойно к тете Варе. Или разменяешь эту квартиру, жизнь свою устроишь худо-бедно. Муж ее бросил – что ж теперь, повеситься? У тебя хоть детей маленьких нет, а я когда с мужем развелась, Алене шесть лет было. И ничего, прожили как-то. Поживет твой муж один, через месяц грязью зарастет, желудок заболит от полуфабрикатов и прибежит за тобой как миленький с извинениями! Привык на всем готовом, избаловала ты его. Все мужчины одинаковы! – присовокупила Надежда, самодовольно подумав в глубине души, что, конечно, верная мысль, что все мужчины одинаковы, за исключением ее мужа Сан Саныча, который все умеет – и убирать, и готовить, и вообще он очень умный и хороший, а самое главное – очень любит ее, Надежду, и никогда не поступит с ней так, как поступил с Верой ее муж.

Они сели с Верой за удобный стол в кухне и, попивая кофе, стали вспоминать все события, которые произошли с ними в роддоме номер 17 двадцать шесть лет тому назад.

В роддоме было два послеродовых отделения, первое и второе – для нормально родящих женщин, у которых дети появлялись на свет как положено, без осложнений, а в третье, послеродовое, попадали бедолаги со всевозможными отклонениями. И держали там рожениц не менее двух недель.

Надежда попала туда потому, что у нее плохо заживали послеродовые швы, у Веры девочка шла не головкой, а ножками, поэтому Вера промучилась родами чуть ли не двое суток, у нее считались трудные роды. Любиному ребенку занесли легкую инфекцию и две недели лечили гноящиеся глазки.

– Вера, нас в палате было шесть человек. Мы попали туда одновременно и ушли все в один день. Там была еще Софа, помнишь, доктор Алексей Иванович все шутил про Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию, а Софа обижалась, она и постарше нас была всего-то лет на семь-восемь.

У Софы тоже была девочка, второй ребенок, держалась она от их троицы особняком, она вообще была сдержанна, суховата и казалась старше своих тридцати лет. В третье отделение Софа попала из-за повышенного давления, ее кололи лекарствами две недели, а с ребенком у нее было все в порядке. И дальше, еще две соседки по палате – Эльвира, Эля и...

– Вера, как звали ту девочку?

– Кажется, Маргарита, – неуверенно вспомнила Вера.

– Точно, Маргарита Зеленцова. А эта Эля... нет, не помню фамилии.

Опять они замолчали, вспоминая Элю. Очень худая высокая женщина с ввалившимися глазами. В первые дни прошел слух, что ребенок у Эли в тяжелом состоянии. Его не приносили кормить, и Эля во время кормления выходила в коридор, не в силах выносить воркования мамаш, лицезреющих своих чмокающих сокровищ. И вечерами, когда уходили врачи, Эля все ходила и ходила по коридору, не вступая ни с кем в разговоры, а ночью стонала во сне.

Надежда вспомнила, что ни разу за две недели с Элей не разговаривала. Эля избегала их, молодых, счастливых и беспечных. Они общались втроем или с такими же как они молодыми мамашами из других палат.

Как-то вечером, когда Эля опять монотонно ходила по коридору, к ним в палату забежала детская сестра Клавочка. Люба угостила Клаву фруктами, которые ей в изобилии приносил муж, но доктор Алексей Иванович Любе их есть временно запретил, потому что у ее девочки началось расстройство. Клава съела грушу, яблоки и гранаты забрала с собой, а в благодарность рассказала им все сплетни об Эле, что этот ребенок у нее третий, что остальные двое умерли – один в утробе на шестом месяце беременности, а второй родился и прожил два дня. И теперь это у Эли последний шанс родить ребенка. Клава слышала, как Эля приходила к доктору Алексею Ивановичу и умоляла его сделать все, что в его силах, чтобы ее девочка выжила, на что доктор ответил, что все уже сделано и теперь можно надеяться только на бога.

Клаву позвали в детское отделение, они все втроем поахали, посочувствовали Эле, а потом выбросили ее историю из головы, не потому, что были такими жестокими или равнодушными, а просто принесли детей на кормление, и все проблемы отступили на задний план, кроме одной: возьмет ли ребенок грудь, и не мало ли ему молока?

И была еще одна у них соседка по палате – девочка пятнадцати лет, Маргарита. Это сейчас пятнадцатилетние мамы никого не удивляют, а тогда это была редкость. Девчонка была хорошенькая, и глазки умные, но вот пошла по кривой дорожке. Про отца ребенка не было ни слуху ни духу. Родила она тоже с какими-то осложнениями и сразу же сказала врачам, что от ребенка отказывается и чтобы кормить не приносили. Нужно было вызывать юриста и оформлять документы, но Алексей Иванович все тянул, надеясь, что Маргарита одумается. Приходила ее мать или тетка и скандалила в ординаторской, чтобы не принуждали девочку и не давили на психику, так что Алексей Иванович рассердился и сам закричал на тетку, что надо было раньше девчонку держать в ежовых рукавицах, чтобы не шлялась черт-те где и в подоле не приносила.

Вся их троица Маргариту презирала, та это чувствовала и откровенно хамила, так что прямая Люба однажды не выдержала и назвала Маргариту неприличным словом. Та побледнела, вскинулась было, но тут вмешалась Софа и с трудом погасила скандал.

На следующий день в палату пришел Алексей Иванович и сухо сказал Маргарите, что оформлять отказ от ребенка не нужно, так как ее дочка ночью умерла. Он принес какие-то справки и документы и сказал, что сама Маргарита здорова и ее выпишут хоть сегодня. Та молча собрала вещи и вышла из палаты,

ни с кем не попрощавшись. Все, кроме Эли, опять поехали и немножко посудачили на тему, что дети, хоть и новорожденные, чувствуют, когда они никому не нужны, а потом снова выбросили все из головы.

А еще через день Эле впервые принесли кормить ее дочку. Все очень радовались за Элю, что кризис миновал, что девочке лучше, и все наладилось. Эля тоже выглядела счастливой, но все равно была малоразговорчива. Так прошло время и их всех выписали, только Элю оставили еще ненадолго.

- Вот, Вера, все, что могли, мы вспомнили. И хоть убей, я не пойму, что же мы такого знаем, за что нас надо убивать? Надо искать координаты Софы, если и с ней что-то не так, тогда в полицию пойдём.

- Типун тебе на язык, Надежда, еще накаркаешь про Софу-то!

После ухода Надежды Вера машинально вымыла посуду, вытерла стол, потом переоделась, прошла по квартире и наметанным хозяйским глазом увидела, что покрывало на кровати с одной стороны изжевано Маком, что занавески на кухне некрасиво провисли и на кафеле у плиты появились какие-то странные разводы, и сама плита давно не мыта.

- Господи, как же я запустила квартиру!

Вера вымыла плиту, вылизала пол в кухне, перетрясла собачью подстилку в коридоре, прошла пылесосом по коврам на полу. В комнатах был относительный порядок - в гостиной, у дочки, в спальне, где спала теперь одна Вера.

Она приоткрыла дверь кабинета. Со времени гибели своей любовницы муж ночевал в кабинете и вообще проводил там все вечера и выходные. Первый раз Вера решилась туда зайти. Она встала на пороге и ужаснулась. Разобранная постель на диване, кругом пыль, валяются галстуки и носки, пахнет дымом, потому что муж много курит и не проветривает. На письменном столе липкие пятна от кофе и спиртного, после случившегося муж много пил и не скрывал этого.

«Как он может существовать в таком свиарнике!» – Вера ощутила прилив энергии и взялась за работу.

«Вера, запомни: от всех неприятностей спасайся работой, главное – не сидеть и не жалеть себя», – учила ее бабушка, и Вера твердо усвоила это правило.

Она открыла форточку, вытерла пыль, выбросила окурки и пустые бутылки, неодобрительно покачав головой. Виктор никогда не увлекался спиртным, зачем же сейчас он так неводержан... Переживает, но ничего, время все лечит.

Виктор Петрович Вересов сидел в кабинете следователя и тоскливо ждал. Следователь разговаривал по телефону, потом повесил трубку и машинально сказал:

– Слушаю вас.

– Нет, это я вас слушаю! – начал Виктор Петрович, постепенно закипая. – Прошло уже три недели, а вы ничего конкретного мне не можете сообщить. Отчего погибла моя... женщина, на которой я собирался жениться? Кто ее убил? Кто подложил в машину взрывное устройство? Если моя бывшая жена, то сделайте же наконец что-нибудь! Дайте определенный ответ на все мои вопросы.

– Успокойтесь, Виктор Петрович, – мягко сказал следователь, – чтобы дать ответ на ваши вопросы, я должен задать вам свои. Вы в состоянии сейчас отвечать?

– Задавайте, – угрюмо пробормотал Вересов.

– Когда и где вы познакомились с Людмилой Шитовой?

– В июне этого года, я уже говорил. Это случилось в Париже, я был там с коллегой в командировке, ну и в воскресенье мы гуляли на Монмартре и у церкви Сакре-Кер, там такие ступени и вечно молодежь тусуется. Так вот, слышим вдруг крик и видим, что какие-то арабы, черные в общем, сумочку выхватили у женщины и бегут. Там вообще-то часто такое бывает, место беспокойное, нас предупреждали. А женщина кричит по-русски «Паспорт, паспорт!». Мы подошли к ней, все-таки соотечественница, неудобно. Тут из-за

угла люди бегут, несут ее сумочку, те арабы деньги взяли, а сумку с документами выбросили. Она и плачет и радуется – паспорт цел, осложнений на границе не будет, а деньги все взяли, да у нее и было-то их впритык. Она сама небогатая, накопила денег, хотела Париж посмотреть. Купила путевку в «Селене» и поехала. Вот так мы и познакомились с Людмилой, – грустно заключил Вересов. – А потом домой вернулись, здесь встретились, она мне хотела деньги вернуть, что я ей одолжил, ну, так все и пошло...

– А где она работала?

– В одной организации, вот забыл название, что-то «Гидро» и «Проект» там есть.

– «Гидропроммостпроект»?

– Точно, в центре где-то. Только она говорила, что там все плохо и денег в последнее время не платят.

«А на что же она тогда в Париж поехала?» – хотел было спросить следователь, но пока промолчал.

– Продолжайте, Виктор Петрович.

– Да что продолжать? – вздохнул тот. – Стали встречаться, а к осени решили пожениться.

– А ваша жена?

– Она ничего не знала до последнего момента, я ее поставил перед фактом, – неохотно ответил Вересов.

«Хорош гусь!» – невольно подумал следователь.

Он представил, как приходит к своей жене и сообщает ей, что решил развестись и жениться на своей любовнице и чтобы жена выметалась из квартиры, потому что отказываться от привычного образа жизни он не хочет, а только хочет поменять жену. От этих мыслей следователь поежился. Спокойно могла бы Ксения придушить на месте!

- И где вы встречались все это время?

- У нее, у Людмилы. У нее была однокомнатная квартира у метро «Удельная».

- Ярославский проспект, дом пять?

- Да, это там.

- Что она вам рассказывала о себе?

- Она говорила, что сама из Витебска, родилась там и окончила школу, у нее там родня. А потом она приехала сюда, окончила здесь институт, вышла замуж, но быстро развелась и осталась тут, квартиру как-то выменяла. Я не понимаю, - опять раздраженно заговорил Виктор Петрович, - какое отношение все это имеет к?..

- Сейчас поймете. Дело в том, Виктор Петрович, что Людмила Шитова не работала в «Гидропроммостпроекте».

- Она уволилась оттуда два месяца назад по моему настоянию!

- Она не могла оттуда уволиться, потому что никогда там не работала.

Вересов сделал было протестующий жест, но следователь продолжал твердо:

- Далее, в однокомнатной квартире на Ярославском проспекте, дом пять, Людмила Шитова никогда не была прописана.

- Ну и что? Сейчас это неважно.

- Может быть. Но слушайте дальше. Квартира эта приватизирована и оформлена на одну старушку, которая живет за городом и понятия не имеет, кто в ее квартире время от времени проживает.

- Меня это не интересует!

– Напрасно вы не даете мне договорить. Так вот, соседи по дому заметили молодую интересную женщину, кстати, вас они тоже помнят, и дают совершенно четкий ответ, что поселилась Шитова в этой квартире в мае месяце этого года, то есть незадолго до вашего с ней знакомства. А вам она говорила, что живет в ней несколько лет после развода с мужем, так?

– Я не понимаю, – растерянно сказал Вересов, – зачем же? И я вам не верю, – сказал он более твердо.

– Зря, Виктор Петрович, не верите, мы все-таки люди компетентные, такие вещи можем точно установить. И последнее, Людмила Алексеевна Шитова, 1988 года рождения, действительно родилась в городе Витебске, окончила там школу, но никуда оттуда не выезжала, вышла замуж и жила там все время.

– Это путаница, совпадение! Документы могли напутать!

– И самое главное, Людмила Шитова никак не могла в это время побывать ни в Париже, ни в Санкт-Петербурге, потому что 12 мая 2013 года она трагически погибла в автомобильной катастрофе, о чем и сообщают нам коллеги из Витебского ГУВД. Вот, почитайте.

Вересов взял дрожащими руками лист бумаги. Буквы прыгали перед глазами.

«В ответ на ваш запрос сообщаем, что...» – он откинулся на стул.

– Что же это такое? Кто она?

– Пока не знаю, Виктор Петрович, никакого определенного ответа вам дать не могу.

Вера с удовлетворением оглядела кабинет. Вот теперь вполне прилично, только на люстре пыль. Она встала на стул и начала протирать люстру мягкой тряпочкой. Мак зашел в комнату и, увидев хозяйку в необычном положении, вопросительно гавкнул.

– Сейчас, Макушка, сейчас, мой дорогой, вот тут закончу и покормлю тебя, а потом пойдем прогуляемся, погода хорошая.

Тут она заметила, что в дверях кабинета стоит муж и смотрит на нее.

– Ой, Витя, ты уже дома, а Мак даже не гавкнул, сторож называется.

Муж по-прежнему молча смотрел на нее с каким-то странным выражением. Вера соскочила с табуретки.

– Есть будешь? Ты сегодня пораньше, но обед готов.

– Обед всегда готов, – медленно проговорил он, странно растягивая слова, – что бы ни случилось, всегда должен быть обед и чистая квартира. Тебе не страшны любые катаклизмы, ты как непотопляемый крейсер. Главное – это порядок в доме, – передразнил он ее интонацию. – Ты – программируемый робот, идеальная домашняя хозяйка. Пожар, наводнение, атомная война – ты все равно будешь мыть и чистить, убирать и готовить.

– Опять... – с тоской произнесла Вера.

А она-то надеялась, что раз она сумела взять себя в руки, то и он попробует как-то наладить их совместное существование. Прошлого не вернуть, это верно, но ради детей и семьи они могли бы сохранить видимость добрых отношений. Но Вера опять ошиблась. За что он ее так ненавидит? Что она ему сделала?

– Что значит – опять? – Муж уже кричал. – Ты думаешь, все будет как раньше? Раз ее нет, то я все забуду? Таких женщин не забывают! Она, она необыкновенная! С ней как ни с кем и никогда!

В волнении Виктор Петрович не понимал, что, произнося все это вслух, он пытается убедить самого себя. После разговора со следователем он находился в шоке. Он не поверил в то, что тот ему сообщил, но факты... и потом, в голову лезли непрошенные мелкие несоответствия, которые он неосознанно замечал во время его знакомства с Людмилой. Тогда он не обращал на них внимания, но все это откладывалось в дальнем участке мозга, а теперь вылезло наружу.

Действительно, она никогда не рассказывала о своих родных, о детстве, он даже

не знал, живы ли ее родители, есть ли братья и сестры. И о своей семейной жизни она не рассказывала, и о работе тоже. О чем же они говорили? Говорил в основном он, а она больше слушала. Да и времени для разговоров у них было немного, у него все же была семья. Им некогда было тратить время на разговоры. Одно он понимал твердо: эта женщина послана ему свыше, лучше, чем с ней, ему не будет никогда. Он торопился на ней жениться, потому что боялся ее потерять, и вот все-таки потерял.

Виктор Петрович перевел глаза на стоящую напротив него жену. Она была мертвенно бледна и смотрела на него сузившимися глазами.

– Извини, дорогой, что все так вышло. Если бы все было как задумано, меня бы сейчас не было и ты жил бы со своей необыкновенной любовницей долго и счастливо в этой квартире. Всем было бы хорошо и удобно. Но я непредсказуемая женщина. Это случайность, что я решила не брать машину. Иначе взорвалась бы я. Я точно знаю, что пытались убить меня.

– Откуда ты знаешь? – машинально спросил он.

– Тебе это неинтересно! – отмахнулась Вера. – Тебе про меня знать ничего не хочется, ты оплакиваешь свою любовь и жаждешь отомстить за ее смерть. А поскольку никого на примете у тебя нет, ты решил мстить мне. Хотя, видит бог, в ее смерти виновата не я, а ее собственная жадность. Ей все надо было сразу и целиком – не только тебя, но и квартиру, машину, дачу. Ей бы немножко терпения. Немножко подождать, я бы погибла, и все были бы довольны. Так что прости меня, дорогой, что умерла не я, а твоя подлая жадная стерва, которая сумела так тебя ублажить в постели, что ты потерял не только голову, но и всякую совесть.

– Не смей так о ней! – срывающимся голосом закричал муж.

– При чем тут она! – закричала, в свою очередь, Вера. – Ты посмотри на себя! В кого ты превратился! Живешь в свинарнике, напиваешься по ночам в одиночку, скоро мыться и бриться перестанешь! От тебя уже перегаром несет, никаким одеколоном не отбить!

– А какое тебе дело? Что ты ко мне вяжешься! Я без нее жить не могу, все готов отдать, чтобы она была жива! – Он уже не соображал, что говорит, и очнулся

только от Веринной пощечины.

Он замолчал удивленно, потрогал щеку и ушел в ванную. Когда он вышел оттуда через полчаса, приняв душ и побрившись, Вера ушла гулять с собакой. Он поел через силу, только чтобы потом не встречаться на кухне с женой, потом заперся в кабинете и достал из бумажника клочок бумаги с записанным на нем телефонным номером. Ответил ему интеллигентный пожилой голос.

- Алло, могу я поговорить с Анатолием Ивановичем?

- Его сейчас нет, оставьте свой номер телефона, он вам перезвонит.

- Пожалуйста, но как скоро это будет? Мне очень срочно.

- Хорошо, я попробую его найти.

Через час, когда дома по-прежнему никого не было, раздался телефонный звонок:

- Виктор Петрович? Вы мне звонили.

- Да, я хочу с вами встретиться как можно скорее.

- Вам известен приблизительный размер моего гонорара?

- Известен.

- Тогда завтра в час дня в скверике у Казанского собора, возле памятника Барклаю-де-Толли. Я вас сам найду.

Вера отстегнула поводок:

- Мак, не убегай далеко, мы недолго.

В центре города гулять с собакой было негде, напротив – Таврический сад, туда нельзя, во дворе один асфальт. Маклай был псом добродушным, никогда никого не то что укусить, а и пугать-то не собирался, но из любопытства подходил к прохожим, а намордник люто ненавидел. Вера беспокоилась, что кто-нибудь пожалуется, но в этот раз ей было все равно. Хотя, казалось бы, что еще ее может удивить? Муж был не в себе, это ясно, но всему есть предел. Нет, так дальше продолжаться не может. Надо разъезжаться. У Ирины своя жизнь, она последнее время редко бывает дома, ночует у своего друга, Андрей не собирается возвращаться из Англии. Мака только жалко, никому он не нужен. Может быть, муж позволит ей забрать собаку к тете Варе? Она не будет против. Но полиция не разрешает Вере уезжать, и сколько это продлится, никто не знает. А может, они так и не найдут никого?

В задумчивости Вера не заметила, как прошла мимо сада. На повороте к Неве Мак остановился и вопросительно на нее посмотрел.

– Ладно уж, идем на берег, погуляем подольше, все равно дома тоска.

У Невы был кусочек набережной без гранита, где можно было подойти прямо к воде, и собака могла спокойно побегать.

Все время, от парадной до самой Невы, за Верой следили внимательные глаза убийцы. Увидев, что женщина с собакой свернула к берегу, убийца оживился. Может быть, сегодня удастся осуществить задуманное? Она никуда не выходит без собаки, только днем ненадолго в магазин, в парадную не попасть – подъезд заперт и охранник следит. Сейчас может подвернуться удобный случай. Пес отбежит в сторону, можно спрятаться за кустами и... Но Вера с Максом встретили у Невы большую собачью компанию, Вера была рада отвлечься на пустые разговоры. Мак тоже поиграл с колли. Он не спешил домой, дома в последнее время было плохо. От хозяина противно пахло, он все время кричал на хозяйку и даже однажды ночью пнул Мака в коридоре ногой, а это уж ни в какие ворота...

И в этот раз убийцу постигла неудача.

В назначенный час Виктор Петрович прогуливался у памятника. Шел дождь, но он не раскрывал зонта, он волновался, и холодные капли успокаивали его разгоряченную голову. Человек, которого он ожидал, был частным сыщиком. Про

него мало кто что знал, но говорили, что в своем деле он мастер. Работал он всегда только в одиночку, офиса своего не имел, добраться до него было сложно, но тем, кому, что называется, приперло, обычно это удавалось. Гонорары он брал астрономические, но никогда никого не подводил. Его тоже никто никогда не обманывал, такой уж это был человек. Обращались к нему люди солидные, обладающие большими деньгами, кидать по мелочи в их среде было не принято.

Человек возник неожиданно, Виктор Петрович даже вздрогнул. Вот только что он стоял один и от нечего делать рассматривал Баркляя, а теперь уже рядом с ним неприметный человек среднего роста, одет скромно, словом, ничем не выделяется, вот только глаза...

- Здравствуйте, Виктор Петрович!

- Здравствуйте, а как мне вас называть?

- Зовите Анатолием Ивановичем. Документы, я полагаю, вам мои не нужны?

- Конечно. Пойдемте в кафе, а то дождь.

- Нет, зайдем в собор. У вас, я так понимаю, дело конфиденциальное, так что лучше не сидеть за столиком у всех на виду.

Они вошли в сумрачный Казанский собор. Там было пусто.

- Итак, излагайте ваше дело.

Виктор Петрович рассказал вкратце свою историю.

- Мне желателен подробный отчет о том, кто она такая, кто ее убил и за что. И как можно скорее.

- Вы настаиваете на подробном отчете?

- Категорически!

– Это будет стоить дороже, – усмехнулся человек, называющий себя Анатолием Ивановичем.

– Это неважно, – твердо ответил Вересов. – Через сколько времени я получу информацию?

– Обычно три-пять дней, но в вашем случае мне потребуется неделя. А теперь ответьте мне на некоторые вопросы.

По окончании беседы сыщик бросил: «Я вам позвоню!» – и исчез. Виктор Петрович задумчиво побрел к выходу, разрывая на ходу какую-то бумажку. Свежий воздух взбудрил его, и он с изумлением обнаружил, что только что разорвал и выбросил в урну тот самый клочок бумаги с телефоном, по которому он связывался с Анатолием Ивановичем. Посмотрев на часы, он с неменьшим изумлением обнаружил, что беседа их продолжалась без малого два часа. Странно, а ему показалось, что говорили они минут пятнадцать. О чем же они беседовали два часа? Виктор Петрович прислушался к себе и с тревогой ощутил, что ничегошеньки не помнит.

Надежда вернулась домой от Веры не поздно, поздно вечером она теперь вообще старалась из дома не выходить. Она вошла в квартиру с твердым намерением найти телефон Софы, но сначала надо было убрать за Бейсиком, потом он срочно потребовал есть, потом надо было нарезать овощи для винегрета и поджарить кабачки – с августа по ноябрь Надежда с мужем питались почти исключительно овощами, причем Сан Саныч это делал из соображений здоровья, а Надежда – из экономии, ведь все свое, с огорода на маминой даче. Естественно, для кота покупались рыба и консервированный корм, муж ни за что бы не допустил, чтобы животное голодало, хотя нахальное животное весило девять с половиной килограммов и курс недельного голодания, по мнению Надежды, ему бы не помешал.

Пока она возилась с овощами, пришел муж, они долго ужинали на кухне, рассказывая друг другу, как прошел у них день, причем Надежда внимательно следила за собой, чтобы не проговориться ни о Вере, ни о Любе, ни вообще о той свистопляске, что творится вокруг них.

Весь следующий день на работе Надежда пыталась припомнить, может ли у нее быть телефон Софы. Когда они уходили из роддома, все четверо в один день, – она, Люба, Вера и Софа, у Эли никто телефона не попросил, никому это и в голову не пришло. Они все трое договорились встречаться, и в самый последний момент, уже внизу, в вестибюле Софа все-таки сунула Надежде бумажку с номером. Да, припомнила Надежда, это не случайно, действительно, среди них троих Софа только с ней была немного близка. У них были общие интересы – обе окончили вузы, Софа уже давно работала, а Надежда еще не успела, и ей было интересно узнать, как там, на работе.

А что было потом? С Любой они часто встречались во дворе, а Софе Надежда позвонила тридцатого сентября – поздравила с именинами. Софа говорила с ней вежливо, но сухо, и Надежда решила больше не навязываться. Телефона у них тогда не было, Надежда звонила знакомым обычно из автомата днем, когда гуляла с Аленой. Бумажка с телефоном лежала в боковом кармане коляски, да так там и осталась, когда по прошествии года они отдали коляску сестре мужа, которая к тому времени как раз родила мальчика. Значит, Софин телефон потерян и незачем перерывать антресоли и стенной шкаф. Но не в характере Надежды было отказываться от задуманного так просто. Она тихонько сидела у себя в уголке за компьютером и напрягала память так, что заболела голова.

Значит, так. Она родила Алену и села с ней на год дома. Муж к тому времени только-только устроился на работу, после защиты диплома его распределили в заводское КБ. И однажды он рассказал ей, что, похоже, в том же отделе работает Софин муж. Фамилия та же, Сергеев, тоже только что жену привез из роддома. Надежда тогда не придавала значения этому факту – мало ли какие бывают совпадения, но потом муж сказал, что уточнил, это действительно муж Софы Володя Сергеев, что мужик он хороший, характер имеет спокойный, помогает ему советами. Через несколько месяцев Софин муж с работы уволился, там была какая-то любовная история, Надеждин муж был тогда молодой специалист, да еще мужчина, местные дамы не посвящали его в подробности.

Размышления Надежды закончились с концом рабочего дня. Домой она вернулась пораньше. По всему выходило, что надо звонить бывшему мужу, а этого Надежде очень не хотелось. Нельзя сказать, что у них были очень плохие отношения, нет, в последнее время отношения стабилизировались. Они встречались, когда с Севера приезжала дочка Алена с семьей. Они встречались бы и раньше, Надежда, в общем-то, не препятствовала его общению с дочерью, но его вторая жена заочно почему-то невзлюбила ее, Надежду, хотя, видит бог,

Надежда ей ничего плохого не сделала. Можно было бы объяснить все это ревностью, но с Надеждиным замужеством неприязнь второй жены ее первого мужа не уменьшилась.

Надежда немного побродила по квартире, собираясь с духом, и набрала номер бывшего мужа. Ей повезло, он сам снял трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/natalya-aleksandrova/dama-s-zhvachkoy>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)